

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МИКРОЛОКАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ГОРОДСКИХ СТЕЙКХОЛДЕРОВ

О.В. Нотман^{1а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Противоречивые условия существования местного самоуправления в современной России актуализируют вопросы поиска действенных инструментальных средств вовлечения гражданского общества в управление городским развитием. Целью статьи является представление социальной технологии, разработанной и апробированной в ходе проектирования программ развития микрорайонов Екатеринбурга, направленной на совершенствование процессов взаимодействия муниципальной власти и городских стейкхолдеров.

Данная технология базируется на авторском концепте «микролокальных городских режимов» – режимов взаимодействия районных администраций с резидентами (организациями и населением) внутригородских территорий. Новизна предложенной социальной технологии заключается в выстраивании последовательных многоступенчатых коммуникаций с учетом диагностического скрининга качества среды городских микрорайонов, а также организации коммуникативного пространства для взаимодействия власти и городских стейкхолдеров не только на общегородском, но и на локальном микроуровне.

По результатам апробации социальной технологии сформулированы ее ключевые принципы: 1) интеграция результатов эмпирической диагностической работы и мультисубъектных «согласовательных» коммуникаций, направленных на разработку программ совершенствования качества среды городских микрорайонов; 2) организация взаимодействия городских акторов в многоуровневом коммуникативном пространстве, включающем в себя прямые и обратные коммуникации между городской администрацией, районными администрациями, исследователями, экспертами, локальными резидентами; 3) использование комплекса взаимосвязанных процедур, позволяющих принимать обоснованные решения с учетом объективной и субъективной информации о качестве городской среды, а также с учетом постдиагностического сравнительного анализа и обсуждения средовых профилей микрорайонов; 4) совмещение традиционных исследовательских функций (диагностических, аналитических) с модераторскими, консультативными, проектными, позволяющее реализовать «активистско-преобразовательную» стратегию участия исследовательской группы; 5) самообучение участников взаимодействия, способствующее росту взаимной информированности.

Делается вывод о том, что «взрачивание» микролокальных режимов взаимодействия городских акторов по поводу совершенствования качества среды локальных территорий будет способствовать интенсификации процессов вовлечения различных групп общественности в решение проблем общегородского уровня.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ РФ (НШ-1327.2022.2).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная технология, микролокальный городской режим, взаимодействие городских стейкхолдеров, социальное участие, городская среда, городские микрорайоны, районные администрации, локальные резиденты.

¹AuthorID РИНЦ: 397903, ORCID: 0000-0002-3393-9933, ScopusID: 57200194835, ResearcherID: C-9914-2018

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нотман О.В. Социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 61–75.

Введение

Одной из остро востребованных областей для разработки социальных технологий взаимодействия власти и населения выступает сегодня городское управление. Противоречивый контекст его функционирования в современной России – общенациональный курс на централизацию управления и укрепление вертикали власти, институциональные барьеры для реализации местного самоуправления, слабо работающие механизмы вовлечения населения в решение вопросов городского развития – требует поиска и апробации действенных инструментальных средств, направленных на достижение баланса между субъект-объектным административным способом управленческой регуляции и субъект-субъектным механизмом самоорганизации городских сообществ.

Несмотря на законодательное закрепление различных форм участия граждан в решении вопросов местного значения, многие из них остаются не использованными горожанами. Причины слабо работающих механизмов вовлечения гражданского общества в управление городским развитием имеют комплексный и взаимообусловленный характер. Наиболее значимые причины, на протяжении ряда лет фиксируемые общероссийскими и локальными исследованиями, – это низкий уровень доверия муниципальной власти и невысокая оценка ее деятельности со стороны населения; низкий уровень информированности населения о возможных способах участия в осуществлении местного самоуправления; неведение в возможность повлиять на принимаемые властью решения; слабая заинтересованность самой муниципальной власти в привлечении граждан к решению вопросов городского развития, либо формально-декларативный характер таких привлечений [1; 2; 3; 4; 5].

Так, например, анализ правоприменительной практики публичных слушаний, проведенный Е. С. Шугриной в российских городах на основе судебных дел о нарушениях их процедуры, организации и проведения, показы-

вает выхолащивание их предназначения, провоцирующее дополнительные городские конфликты [6]. Рекомендательный (не обязывающий) для органов власти характер ряда форм участия населения в решении вопросов городского развития не в последнюю очередь выступает фактором укоренения имитационных, «отчетных» практик взаимодействия, не удовлетворяющих общественным ожиданиям и в итоге еще более увеличивающих уровень отчуждения жителей от местной власти.

Активно внедряющиеся сегодня в практику взаимодействия власти и населения информационные технологии, позволяющие информировать население о проектах городского благоустройства, проводить онлайн-опросы, голосования, сбор предложений пока не стали эффективной альтернативой слабо работающим традиционным инструментам коммуникации. При очевидных достоинствах онлайн-технологий (удобство, оперативность, экономичность, массовый охват) их результативность, также как и традиционных инструментов коммуникации, находится в прямой зависимости от наличия обратной связи. Так, например, анализ функционирования на официальном сайте городской администрации Екатеринбурга сервиса народных инициатив «Я предлагаю!», проведенный уральскими социологами, показал, что наблюдаемый в начале «запуска» сервиса наплыв предложений от горожан впоследствии значительно снизился по причине отсутствия реакции муниципальных властей – не только одобрения предложений («администрация будет делать»), но и официальных ответов на них, сигнализирующих хотя бы о том, что предложения были увидены [7, с. 24].

Оценивая практики взаимодействия власти и населения в ходе осуществления федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», российские исследователи отмечают, что ключевым барьером для выстраивания конструктивного публичного диалога выступает ориентация муниципальной власти на проблемно-догоняющий, а не превентивный подход [8, с. 203]. Информиро-

вание населения по вопросам развития городской среды и привлечение ресурсов экспертного сообщества, как правило, происходит в период обострения проблемы, в ситуации уже случившегося кризиса. Тогда как в условиях объективной сложности осуществления многосубъектных коммуникаций (например, выбор коммуникативных инструментов и площадок для согласования позиций множества городских стейкхолдеров) необходима долгосрочная информационная стратегия, регулярный диалог с общественностью – от момента принятия управленческих решений до их реализации.

Вместе с тем, происходящие в последние годы в крупнейших российских городах процессы активизации гражданского общества – уменьшение доли пассивного населения и появление явно выраженного общественного запроса на участие в местном самоуправлении со стороны прогрессивных, образованных групп населения, имеющих высокий уровень жизненных притязаний и не нуждающихся в государственной «опеке» [9; 10]; рост гражданской активности среди молодежи; консолидация сообществ на уровне микрорегионального городского пространства [11]; активизация протестной активности против нежелательной застройки, реконструкции или сноса объектов, уничтожения рекреационных пространств [12] – свидетельствуют о постепенном преодолении «инертного синдрома», формировании разнообразных практик общественной самоорганизации, даже в условиях кризиса доверия власти и слабой способности формальных институтов интегрировать горожан с высокими мобилизационными ресурсами.

Наиболее перспективным «полем» для повышения интенсивности вовлечения гражданского общества, трансформации имеющегося потенциала гражданской активности (готовности участвовать) в реальное участие, создания полноценных интерактивных арен взаимодействия муниципальной власти и на-

селения выступает локальное территориальное пространство – район, микрорайон, квартал, улица проживания. Проблемы, касающиеся непосредственно качества среды жизнедеятельности, воспринимаются населением сквозь призму высокой личностной значимости. Поэтому непосредственная среда обитания становится сегодня важнейшей сферой проявления неформальных гражданских инициатив «по месту жительства», получения горожанами опыта самоорганизации и взаимодействия с властью, который при благоприятных исходах может стимулировать интерес к другим, более масштабным видам социального участия в управлении городским развитием.

Целью настоящей статьи является представление разработанной и апробированной в ходе проектирования программ развития микрорайонов Екатеринбурга социальной технологии формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров².

Социальные технологии в управлении: теоретическое обоснование

Проблематика социальных технологий применительно к сфере управления (рассматриваемой как в рамках широкой перспективы, так и узкой – как управления организацией и персоналом) начиная с конца 70-х гг. XX века получает осмысление в трудах ряда отечественных и зарубежных ученых. Базовые основания для легитимизации термина «технология» применительно к социальным наукам были заложены К. Поппером, в концепции которого социальная технология рассматривается как способ осуществления социальных изменений (общества в целом либо его отдельных институтов), основанный на «внедрении» теоретических знаний, выводов в практическую деятельность [13, с. 54]. Отечественный философ В. Г. Афанасьев, указывая на взаимосвязь социальных технологий с научным знанием, отмечает, что социальные технологии, будучи элементом системы управления, выступают

²Данная социальная технология является авторской методологической рефлексией итогов работы междисциплинарного научного коллектива экономистов и социологов (Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Институт государственного управления и предпринимательства УрФУ). Работа велась в рамках НИР «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования «город Екатеринбург» до 2035 года». Муниципальный контракт № 15/2016-2 от 17.11.2016.

средством перевода абстрактного языка науки, отражающей объективные законы развития общества, на конкретный язык практики – решений, нормативов, предписаний, регламентирующих деятельность людей и способствующих достижению поставленных целей [14, с. 369]. В работах болгарских философов Н. Стефанова и М. Маркова, в значительной степени повлиявших на внедрение термина в российский научный тезаурус и язык практикующих управленческих консультантов, социальная технология трактуется как разновидность технологии (тем самым подчеркивается ее сходство со сложившимся в материально-технической сфере пониманием), ориентированная на активное и целенаправленное преобразование деятельности и протекающих в ее рамках социальных процессов [15; 16]. Социальная технология, выступая способом организации деятельности, предполагает «расчленение» этой деятельности на серию последовательных и взаимосвязанных процедур, элементов, обязательное выполнение которых приводит к достижению поставленной цели – заданного результата [16, с. 57].

Таким образом, главные признаки социальных технологий, сформулированные Н. Стефановым и М. Марковым и считающиеся на сегодняшний день сферой согласованных определений большинства ученых, – это предварительно заданные цели, связанные с изменением объекта, преобразованием деятельности, поведения, отношений, процессов; наличие взаимосвязанных между собой процедур (операций); скоординированность, поэтапность, однозначность и обязательность их выполнения.

В отечественной социологии указанную линию в понимании социальной технологии (как основанного на научных выводах и положениях универсального инструмента рационализации деятельности и достижения определенного результата) развивают В. В. Щербина и Ж. Т. Тощенко. Согласно мнению В. В. Щербины, социальная технология – это средство организации и рационализации управленческой деятельности, направленное на решение задач социальной регуляции в деловых организациях [17]. Ж. Т. Тощенко, также определяя предназначение социальной технологии через

оптимизацию управленческого процесса посредством рационализации деятельности, вместе с тем, расширяет сферу применения данного понятия, «привязывая» его не только к управлению конкретными организациями, но и к управлению обществом в целом и любыми социальными объектами на разных уровнях организации общества [18, с. 136].

Для Т. М. Дридзе социальная технология выступает в качестве инструмента социально-проектной деятельности, направленного на выработку эффективных вариантов решения социальных проблем и повышение обоснованности принимаемых управленческих решений [19]. В. Н. Иванов и В. И. Патрушев, рассматривая социальные технологии как важнейшую составляющую управления, акцентируют внимание на их инновационных функциях, призванных выявлять и использовать скрытые потенциалы системы и обеспечивать на этой основе получение общественно полезного результата с наименьшими затратами [20, с. 4].

При существующих особенностях социальных технологий, используемых в управлении объектами разного масштаба (общество, регион, город, территориальное сообщество, организация и др.), их объединяет общее «видение» главного предназначения – оптимизировать, рационализировать посредством создания алгоритма деятельности управленческий процесс с целью повышения эффективности принимаемых решений и достижения максимально возможного социального результата. Так или иначе, любые социальные технологии направлены на решение возникающих на различных уровнях организации общества и в его различных сферах проблем жизни людей.

Важно отметить, что собственно сам «технологический» подход как некая алгоритмизация операций, являющийся альфа и омега инженерной мысли, применительно к социальным объектам предполагает несколько иное преломление. С одной стороны, социальные технологии имеют «родовую» связь с технологиями, создаваемыми на базе естественно-научного и технического знания, поэтому им в равной степени присущи свойства технологий как таковых – стандартизованность, формализация, упорядоченность, воспроизводи-

мость. Но, с другой стороны, специфика объекта «технологизации» – социальные процессы, деятельность, отношения и механизмы регуляции этих отношений – вносит определенную долю импровизации, непредсказуемости, творческого начала, интуиции, которые всегда присутствуют в «человекообразных объектах». Следовательно, социальные технологии обладают меньшей инструментально-алгоритмической «жесткостью» и инвариантностью в сравнении, например, с производственными, информационными, медицинскими и прочими технологиями. Свойства социальных объектов в значительной мере определяют специфику социальных технологий, обладающих, наряду с возможностями тиражирования инструментальных средств, приемов и методов в аналогичных обстоятельствах, большей гибкостью и адаптивностью к особенностям конкретной ситуации и включенным в процесс решения проблемы с помощью разработанной технологии взаимодействующим субъектам. Вариативность внедренческих результатов в значительной степени зависит от взаимодействующих в процессе создания и последующей реализации социальной технологии конкретных акторов, обладающих определенным компетентностным, социокультурным, коммуникативным «багажом».

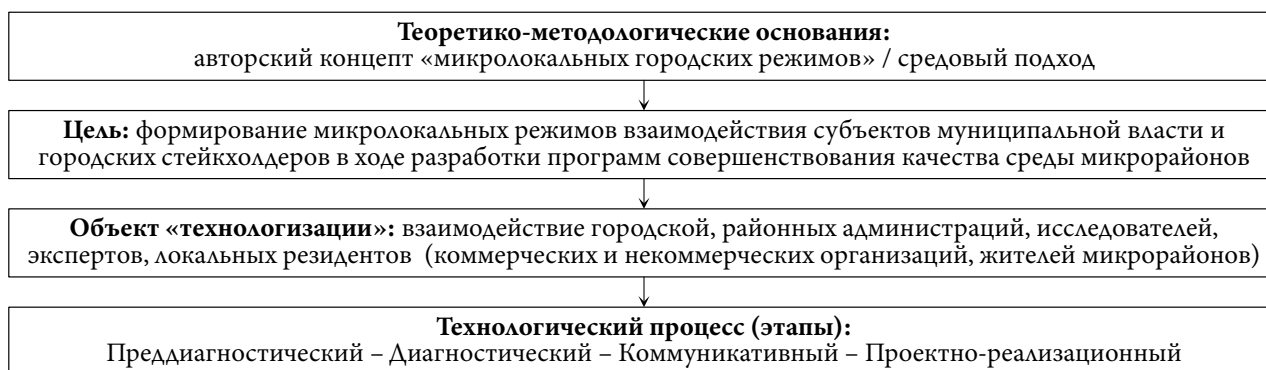
Результаты и обсуждение

При разработке нашей технологии мы опирались на общеметодологические положения Ж. Т. Тощенко о социальных технологиях как неотъемлемом элементе управленческого процесса, авторский концепт «микрорегиональных

городских режимов», канонические принципы технологии социального участия П. Геддеса и проектно-технологические разработки межотраслевого научного коллектива под руководством Т. М. Дридзе, связанные непосредственно с реализацией модели социального участия в управлении развитием городской среды и принятии градостроительных решений.

Ж. Т. Тощенко, определяя содержательную суть социальной технологии через «совокупность последовательных операций, процедур, направленных на реализацию намеченных планов и получение оптимального социального результата» [18, с. 141], подчеркивает, что социальная технология выступает в двух формах. Во-первых, это проект – технологически оформленный программный продукт с прописанными этапами, процедурами, операциями. Однако, социальная технология – это не только разработка, это, во-вторых, еще и сама деятельность, построенная в соответствии с разработанным проектом и направленная на реализацию намеченной цели [18, с. 142]. Такое понимание социальной технологии соединяет собственно проектную и практическую работу, направленную на апробацию/реализацию разработанной технологии.

В соответствии с указанным пониманием и с учетом специфики решаемой практической проблемы – совершенствование качества среды городских микрорайонов – представим общую схему разработанной социальной технологии (рис. 1.), на основе которой далее подробно раскроем содержательные этапы и составляющие их виды деятельности.

Рисунок 1 – Общая схема социальной технологии формирования микрорегиональных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров

Figure 1 – General scheme of social technology for the formation of microlocal regime of interaction between municipal authorities and urban stakeholders

В основе разработанной технологии лежит авторский концепт «микролокальных городских режимов». Отталкиваясь от современной субъект-полисубъектной управленческой парадигмы и соответствующего ей теоретического конструкта «городского режима» [21; 22] как кросс-секторального партнерства для производства значимых результатов в управлении городским развитием, мы полагаем, что сверхкрупные и высокодифференцированные городские системы (мегаполисы) правомерно рассматривать не только сквозь призму единого городского режима, но и через микролокальные режимы. Данные режимы мы определяем как взаимодействия (не только постоянные, но и эпизодические) администрации городских районов с организационными и индивидуальными акторами-резидентами, а также взаимодействия последних друг с другом. В отличие от общегородского режима, в значительной степени детерминированного общенациональным вектором институциональной модернизации и имеющего выраженную политическую повестку, микролокальные режимы в большей степени ориентированы на повседневную, аполитичную повестку – решение вопросов обеспечения качества и комфортности среды жизнедеятельности на уровне внутригородских территорий (районов, микрорайонов) [23, с. 91]. Прямая заинтересованность жителей и территориально «привязанных» коммерческих и общественных организаций в улучшении локальной среды обитания, на наш взгляд, является важным фактором, способствующим превращению потенциальной гражданской активности в реальное участие – соуправление на микролокальном городском уровне [23, с. 91].

В таблице 1 приведена содержательная характеристика всех этапов технологического процесса (виды деятельности, участники, результат), позволяющая сформулировать ключевые принципы, на которых базировалась разработанная социальная технология.

1. Интеграция эмпирической диагностической работы и мультисубъектных «согласовательных» коммуникаций в практику выработки управленческих решений и программ, направленных на совершенствование качества городской среды.

2. Организация взаимодействия городских акторов в многоуровневом коммуникативном пространстве, включающем в себя прямые и обратные коммуникации между городской администрацией, районными администрациями, исследователями, экспертами, локальными резидентами (организациями и населением).

3. Использование комплекса взаимосвязанных преддиагностических, диагностических, согласовательных-коммуникативных и проектно-реализационных процедур (операций), позволяющих принимать обоснованные управленческие решения с учетом объективной и субъективной информации о качестве городской среды, а также с учетом постдиагностического сравнительного анализа и обобщения средовых профилей микрорайонов.

4. Совмещение традиционных исследовательских функций (диагностических, аналитических) с модераторскими, консультативными, проектными, обеспечивающее реализацию «активистско-преобразовательной» стратегии участия исследовательской группы.

5. Самообучение участников взаимодействия в процессе реализации многоступенчатых коммуникаций, способствующее росту взаимной информированности и достижению на этой основе согласованных позиций.

Обозначенные принципы в целом согласуются с каноническими принципами технологии социального участия, сформулированными еще в первой половине XX в. английским социологом П. Геддесом [24] и впоследствии воплощавшимися с той или иной степенью редакции в различных законодательно-правовых документах, хартиях, программах, посвященных вопросам организации городского самоуправления. Это принципы «двойного информирования» и «взаимодействия в проектировании».

Первый принцип провозглашает необходимость двухстороннего информационного потока – со стороны властей осуществляется информирование населения о программах, проектах городского развития, со стороны населения – информирование (в том числе через посредников – исследователей) властей о ключевых проблемах городской жизни, актуальных потребностях и запросах горожан.

Таблица 1 – Характеристика этапов технологического процесса

Table 1 – Characteristics of the technological process stages

Виды деятельности	Участники	Результат
Этапы исследовательской работы – диагностика качества среды городских микрорайонов		
<i>Преддиагностический</i>		
Выбор показателей оценки качества городской среды в соответствии с актуальной версией Стратегического плана развития Екатеринбурга	Исследователи, городская администрация	Программа и методика диагностического исследования качества среды городских микрорайонов
Разработка методики и инструментария статистического и социологического скрининга качества среды микрорайонов	Исследователи	
Представление и обсуждение разработанной методики и инструментария	Исследователи, городская администрация, эксперты	
Модификация разработанной методики и инструментария в соответствии с заключением экспертов	Исследователи	
Утверждение разработанной методики и инструментария	Исследователи, городская администрация	
<i>Диагностический</i>		
Создание базы данных статистических параметров микрорайонов	Исследовательская группа (экономисты)	Объективные, субъективные и интегративные профили микрорайонов (таблицы, картограммы)
Проведение опроса населения, формирование базы данных субъективных оценок качества городской среды микрорайонов	Исследовательская группа (социологи)	Аналитический отчет по результатам исследования (сравнительный анализ микрорайонов по качеству среды)
Постдиагностические этапы – формирование режимов взаимодействия		
<i>Коммуникативный</i>		
Презентация и обсуждение результатов исследования территориальной дифференциации качества городской среды на общегородском уровне	Исследователи, городская администрация, эксперты	Отчет по итогам обсуждения результатов исследования
Презентация и обсуждение результатов исследования качества среды микрорайонов на площадках районных городских администраций (сравнительный анализ каждого микрорайона в общей картине административного района и всего города)	Исследователи, районные администрации, жители микрорайонов, представители НКО, ТОС, бизнес-организаций, городские активисты	Постпрезентационная рассылка результатов исследования представителям бизнес-организаций, ТОС. Отчет по итогам обсуждения результатов исследования в районных администрациях
Проектирование структуры паспортов развития микрорайонов и выбор ключевых параметров	Общее собрание глав районов в городской администрации при участии исследователей	Структура паспортов развития микрорайонов как результат 2-х туров обсуждений
<i>Проектно-реализационный</i>		
Разработка паспортов развития микрорайонов	Исследователи, городская администрация	Проекты паспортов развития городских микрорайонов
Модернизация паспортов развития микрорайонов	Районные администрации, эксперты	Рабочие программы реализации комплексного развития микрорайонов
Выбор, согласование с локальными резидентами и утверждение приоритетных направлений, мероприятий, градостроительных преобразований, направленных на улучшение качества среды микрорайонов ³	3) Исследовательская группа, представители городской и районных администраций, локальные резиденты	

³ Данный этап удалось реализовать в полной мере (через согласование с локальными резидентами) не во всех городских районах. В ряде районных администраций паспорта развития микрорайонов находятся в стадии корректировки.

Второй принцип подразумевает оценку жителями разработанных профессионалами проектов городского развития, а также внесение корректирующих либо альтернативных предложений. Таким образом, коммуникативные методы выступают инструментальной основой социального участия, предполагающего реализацию двух указанных принципов, которые собственно и обеспечивают управление с обратной связью. Наше авторское «преломление» классических принципов технологии социального участия осуществлялось в соответствии с этапами технологического процесса и охваченным в рамках каждого этапа коммуникативным «кругом» (спектром участников), а также расширенным функционалом (многокомпонентной деятельностью) исследовательской группы.

Новизна разработанной нами социальной технологии заключается в выстраивании многоступенчатых коммуникаций с учетом результатов предыдущих этапов работ и организации коммуникативного пространства для взаимодействия власти и городских стейкхолдеров не только на общегородском уровне (в данном случае физической площадкой для коммуникаций выступала «территория» городской администрации), но и на локальном микроуровне (в этом случае площадками для коммуникаций выступали «территории» районных администраций, в ведении которых находятся конкретные микрорайоны). На общегородском коммуникативном уровне осуществлялась серия прямых и опосредованных (в форме отчетов и «реакций» на них) взаимодействий городской администрации, исследовательской группы, экспертов, районных администраций. Эти взаимодействия «пронизывали» все этапы работы и являлись «точками сведения» промежуточных результатов. На микрокоммуникативном уровне главными участниками взаимодействия выступали районные администрации, локальные резиденты (жители микрорайонов и территориально привязанные организации), исследователи. Эти взаимодействия осуществлялись на финальных этапах работ и были направлены на согласование приоритетных направлений совершенствования качества среды микрорайонов по итогам обсуждения представленных ис-

следователями профилей микрорайонов. Главным результатом реализации многоуровневых коммуникаций, последовательно выстраиваемых с учетом поставленных для каждого технологического этапа задач, выступили проекты паспортов развития микрорайонов.

Специфической отличительной чертой нашей социальной технологии явилась организация пред- и постдиагностической работы, а также роль исследовательской группы. Преддиагностическая работа реализовывалась в формате перманентной экспертизы – диалога с заказчиком (городской администрации) и привлеченными заказчиком экспертами. Так, выбор показателей оценки качества городской среды и разработка методики исследования проходили несколько стадий корректировки: согласование внутри междисциплинарной исследовательской группы, приведение в соответствие предложенного исследователями теоретического обоснования с актуальной версией Стратегического плана развития Екатеринбурга, модификация с учетом замечаний экспертов и предложений городской администрации.

Результаты исследования территориальной дифференциации качества городской среды не просто предоставлялись заказчику в форме аналитического отчета и сопровождающих его рекомендаций (что характеризует традиционный подход к иницируемым властью социально-диагностическим исследованиям), но и обсуждались с целью выработки «согласовательных» решений на макро- и микроуровнях – в городской администрации и администрациях районов – с приглашением экспертов, представителей территориально привязанных коммерческих и некоммерческих организаций, населения (локальных резидентов). При этом обсуждение результатов осуществлялось на основе презентации средового профиля каждого микрорайона в общей картине административного района и всего города. Сравнение проводилось как по интегральным показателям качества городской среды, так и по отдельным средовым параметрам [25]. Такой подход позволил, во-первых, получить многомерное представление о качестве среды каждого микрорайона, во-вторых, увидеть позиции каждого микрорайона на общегород-

ской карте и карте административного района (в сравнении с микрорайонами-соседями), в третьих, с учетом выявленных позиций и имеющихся у администрации ресурсов сформулировать ключевые направления совершенствования качества среды микрорайонов. Особое внимание при обсуждении результатов исследования территориальной дифференциации качества среды уделялось тем сферам городской жизни, которые получили максимально низкие оценки со стороны локальных резидентов, а также дефицитным услугам/сервисам пешеходной доступности. Выявленные в ходе исследования потребности резидентов в определенных услугах явились предметом «фокусировки» не только непосредственно для районных администраций, но, в значительной степени, для представителей коммерческих организаций, участвующих в обсуждениях с целью выбора перспективных ниш для развития локальных, в том числе социально-ориентированных, бизнесов.

Чрезвычайно важно отметить, что роль исследователей не ограничивалась исключительно диагностической и информирующей функциями (доведение результатов исследования до сведения властей и жителей), они в равной мере выполняли функции полноправных участников диалога (как локальные резиденты-жители конкретных микрорайонов) и координаторов-посредников коммуникативного процесса согласования потребностей жителей и возможностей властей, формируя промежуточные отчеты по результатам каждого тура обсуждения и информируя власть о «точках» напряжения, связанных с модернизацией тех или иных объектов и условий среды либо отсутствием планов такой модернизации.

Обозначенный дополнительный функционал исследовательской группы в значительной степени сближает реализованное исследование со стратегией «активного исследования», предполагающей включенность исследователя не только собственно в диагностическую работу, но и проектный, коммуникативный виды деятельности, направленные на поиск путей решения социальных проблем, согласование позиций участников и нахождение компромиссов. Данная стратегия, воплощающая идеи активистской методологии, на-

целена на изменение, преобразование определенного «фрагмента» социальной реальности путем исследования, сопровождающего и предопределяющего действие. Ее характеризует тесное взаимодействие всех участников процесса «производства» действия (на основе организованной «обратной связи») и постоянная рефлексия относительно полученных результатов – диагностических и проектных. Стратегия «активного исследования» при разработке нашей технологии была реализована посредством сочетания диагностических, коммуникативных и проектных методов, нацеленных на получение положительных преобразований в сфере развития конструктивных коммуникаций власти и горожан по поводу совершенствования качества городской среды. Исследователь здесь – не объективный сторонний диагност или консультант, а непосредственный активный участник ситуации, ее организатор и проектант, к тому же имеющий как резидент (горожанин) непосредственную заинтересованность в полученных результатах взаимодействия.

В данном случае роль исследовательской группы не может быть отнесена ни к строгой объективистской традиции научного познания, ни к клиентоориентированной традиции управленческого консультирования (пришедшей в муниципальный консалтинг из системы бизнес- и менеджмент-консультирования). В первом случае исследователь-проектант ориентирован исключительно на согласование интересов участников, занимая объективную независимую позицию и не «работая» на достижение целей какой-либо стороны (например, власти, застройщика). Во втором случае, напротив, интересы заказчика определяют порядок действий, соответственно консультант решает путем «согласования интересов» исключительно задачи, поставленные перед ним заказчиком.

Наше самоопределение в роли городского исследователя-проектанта-коммуникативного модератора в большей мере созвучно идеям Т. М. Дридзе о социальном участии, которое строится на «коммуникациях с людьми и представляющими их интересы исследователями на всех этапах разработки и реализации программ развития территорий» [26, с. 9]. Мы

полагаем, что именно такой подход позволяет в полной мере реализовать принципы «социально-ориентированного управления» (термин Т. М. Дридзе), в котором исследователь не может оставаться полностью беспристрастным объективным диагностом или модератором диалога, он – его активный участник и, что особенно важно отметить, «проводник» интересов горожан. Несмотря на то, что в работах междотраслевого научного коллектива под руководством профессора Т. М. Дридзе обосновывается методический тезис о «независимости» исследовательской группы (трактуемой как ориентация на согласование интересов участников диалога, а не на достижение целей какой-либо одной из сторон), методологическая платформа «человекоориентированности», на которой последовательно выстраивается логика всей эмпирико-диагностической и последующей коммуникативной и проектно-технологической работы, позволяет судить о том, что именно защита прав населения (человека в его среде обитания) выступает главным этическим ориентиром для такого специфического многокомпонентного вида деятельности, как городской исследователь-коммуникативный консультант-проектант.

Риски утраты полностью «независимой позиции», так или иначе, сопровождают весь проектно-технологический цикл. В одном случае, исследователь сталкивается с дилеммой узко понимаемой управленческой задачи – решение проблем заказчика (муниципальной власти, инвестора, застройщика), связанных с внедрением, сопровождением какого-либо проекта преобразования городской среды. В другом случае утрата независимой позиции происходит по причине абсолютизации правозащитных функций – здесь исследователь рискует превратиться в общественного деятеля, революционера, оппозиционера и т.д. Но если посмотреть на проблему шире, то конечным заказчиком программ городских преобразований выступает не власть или коалиция власти и бизнеса, а население, которое с разной степенью активности участвует в принятии решений по вопросам местного значения, в том числе способом делегирования своих прав в решении вопросов местной жизни органам местного самоуправления. Поэтому в

любом случае исследователь выполняет социальный заказ, вопрос лишь в том, каким образом этот заказ интерпретируется с точки зрения его истинного субъекта (заказчика) и каким образом видится конечная цель социолого-диагностического и конструктивно-коммуникативного сопровождения принятия управленческих решений. Если взглянуть на проблему еще шире – с точки зрения самоопределения социально-гуманитарной науки (в частности, социологии) в управлении социально-территориальными объектами – то трансформация ее роли от объясняющей, обслуживающей к созидательно-преобразующей возможна лишь на основе принятия ученым-исследователем позиции подлинного «включенного» гражданского участия, обусловленного, прежде всего, насущными запросами и потребностями местного населения.

На наш взгляд, неизбежное «противоречие» между объективностью научного знания и субъектностью исследователя (живущего в городе и остро чувствующего его проблемы) здесь не может быть «снято» в полной мере, его «оправдывает» лишь то, что ученые – носители знания, являясь в определенном смысле посредниками между представителями власти и населением, взаимодействуя и с теми, и с другими, имеют такие же определенные законом права на участие в управлении территорией и решение вопросов местной жизни. Кроме этого, без соединения исследовательских, коммуникативных, проектных функций с «правозащитными» (в данном случае мы используем этот термин в широком метафорическом смысле) невозможны в полной мере разработка, принятие и реализация «человекоориентированных» управленческих решений. «Гуманизация» любых преобразований городской среды предполагает не просто «внедрение» научного знания в управленческую практику, но активное многофункциональное участие исследователей в этом процессе – в качестве собственно исследователей (объективных диагностов, аналитиков), проектантов, посредников-коммуникаторов во взаимодействии городских стейкхолдеров и одновременно субъектов непосредственного социального участия в управлении развитием городской среды.

При отмеченных акцентах нашего «активистско-преобразовательного» понимания функционала исследовательской группы (который, подчеркнем, не лишен внутренней сложности и противоречивости) мы в полной мере разделяем сформулированные межотраслевым научным коллективом под руководством Т. М. Дридзе базовые целевые императивы проектно-технологической работы, направленной на сближение социального участия и социально-ориентированного управления. Среди этих императивов главными для нас выступили следующие:

1) предварительная диагностика социально значимых проблем;

2) выработка вариантов решения таких проблем на основе механизма конструктивной коммуникации заинтересованных сторон;

3) расширение коммуникативного круга путем включения в него максимально возможного количества стейкхолдеров;

4) целенаправленное обеспечение обратной диалогичной связи между взаимодействующими сторонами;

5) интеграция разных видов деятельности (исследовательской, проектной, коммуникативной, консультативной), расширяющая традиционные функции социологии в практике управления социально-территориальными объектами [19; 27].

Разработанная нами социальная технология (неотъемлемой частью которой является активная позиция исследовательской группы), также как технология прогнозного социального проектирования Т. М. Дридзе, основана на использовании комплекса взаимосвязанных диагностических и коммуникативных процедур, направленных на предотвращение управленческих решений, имеющих негативное влияние на качество жизни горожан. Как отмечает сама Т. М. Дридзе, «цель прогнозного социального проектирования состоит не в том, чтобы предсказать, что будет там, за поворотом, а в том, чтобы предотвратить за поворотом возможную беду» [27, с. 20] – имея в виду, прежде всего, градостроительные преобразования, «возмущающие» и разрушающие сложившуюся среду обитания лю-

дей. Иными словами, ключевая задача технологии прогнозного социального проектирования заключается не в прогнозе последствий неадекватных потребностям жителей управленческих решений, а в «профилактике» таких последствий – на этапе, предвещающем принятие управленческих решений.

Но в отличие от прогнозного социального проектирования, предусматривающего глубинное социально-диагностическое исследование локального «участка» городской действительности (в связи с реконструкцией, строительством определенных объектов в городских районах) и социально-проектное сопровождение планируемых преобразований (в виде согласования интересов сторон, устранения социальных напряжений и конфликтов, разработки пакета компенсационных мер для предотвращения возможных негативных последствий для жителей), разработанная нами технология предполагает несколько иной масштаб охвата и спектр решаемых задач. При микродетальном «скрининге» она охватывает все городское пространство в сравнительной перспективе, что позволяет, наряду с локальностью, «схватить» целостность территориально дифференцированной городской среды. Кроме этого, социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров нацелена на создание длительных, устойчивых коммуникативных практик, связанных не только с сопровождением (согласованием) уже запланированных градостроительных проектов, но и «взращиванием» и стимулированием участия горожан в разработке и реализации комплексных программ развития их микрорайонов.

Заключение

Разработанная и апробированная на примере Екатеринбурга социальная технология, на наш взгляд, представляет собой работоспособное инструментальное средство реализации модели соуправления в российском мегаполисе на основе формирования микролокальных режимов взаимодействия широкого спектра городских акторов по поводу совершенствования качества среды локальных внутригородских территорий (микрорайонов). Данная технология, обладая универ-

сальностью в части алгоритмики проектирования и гибкостью в части операционного наполнения, может быть применена для решения аналогичных проблем (связанных с вопросами улучшения качества городской среды) в рамках любого мегаполиса или крупного города. Мы полагаем, что «взращивание» микролокальных городских режимов, основанных на непосредственном и активном взаимодействии участников «по месту жительства», в конечном итоге будет способствовать успеш-

ному осуществлению разработанных в ходе этого взаимодействия программ развития городских микрорайонов. Кроме этого, «запущенный» на микролокальном уровне коммуникативный процесс, безусловно, не лишенный сложностей и противоречий в согласовании позиций городских стейкхолдеров, можно рассматривать как перспективный триггер для интенсификации процессов вовлечения различных групп общественности в решение проблем общегородского уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Гражданское участие населения как фактор развития местного самоуправления в российских муниципальных образованиях // *Власть*. 2014. № 1. С. 90–94.
2. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // *Социологический журнал*. 2014. № 2. С. 48–71.
3. Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // *Социологические исследования*. 2016. № 4. С. 59–64.
4. Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2018. № 4 (25). С. 26–32.
5. Максимов А.М., Ненашева М.В., Верещагин И.Ф., Шубина Т.Ф., Шубина П.В. Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 1. С. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6.
6. Шугрина Е.С. Публичные слушания и общественные обсуждения как инструмент выявления мнения населения по вопросам городского развития // *Градостроительное право*. 2019. № 4. С. 30–34.
7. Зерчанинова Т.Е., Тарбеева И.С. Социальные практики участия населения города в местном самоуправлении // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2018. № 3 (24). С. 20–26.
8. Кудряшова Е.В., Максимов А.М., Ненашева М.В., Верещагин И.Ф., Шубина Т.Ф., Шубина П.В. Модели коммуникативного управления в контексте формирования комфортной городской среды (на примере городов Архангельской области) // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 4. С. 191–213.
9. Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // *Власть*. 2014. № 9. С. 11–12.
10. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // *Социологические исследования*. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
11. Запорожец О., Багина Я. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 269–284. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284.
12. Семенов А.В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // *Социологические исследования*. 2019. № 12. С. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250007746-3.
13. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 448 с.
14. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. М. : Политиздат. 1981. 432 с.
15. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология / пер. с болг. М. : Прогресс, 1977. 250 с.
16. Марков М. Технология и эффективность социального управления / пер. с болг. М. : Прогресс, 1982. 267 с.
17. Щербина В.В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // *Социологические исследования*. 2007. № 3. С. 30–42.
18. Тощенко Ж.Т. Социология управления. М. :

Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 300 с.

19. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Т. М. Дридзе. М. : Наука, 1994. 304 с.

20. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М. : Изд-во «Экономика», 2001. 324 с.

21. Davies J.S., Imbroscio D.L. (2009). Introduction: urban politics in the twenty-first century. In: Jonathan S. Davies, David L. Imbroscio (eds.). *Theories of Urban Politics*. Second edition. London: Sage, pp. 1–15.

22. Ледаев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.

23. Нотман О.В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 86–94.

24. Geddes P. (1915). *Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics*. London: Williams & Norgate. 442 p. URL: <https://archive.org/details/citiesin-evolutio00gedduoft/page/n9/mode/2up> (accessed 15.03.2022).

25. Багирова А.П., Нотман О.В. Качество среды мегаполиса как элемент качества жизни населения: оценка территориальной дифференциации // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. URL: http://sa.vscs.ac.ru/article/29071/full?_lang=ru (дата обращения: 15.03.2022).

26. Дридзе Т.М. Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI века: к преодолению парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблема коммуникации и управленческого консультирования. М. : ИС РАН, 1999. Вып. 2. С. 8–17.

27. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах : В 2 кн. / Отв. ред. Т. М. Дридзе. М. : Издательство Института социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Нотман Ольга Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); o.v.notman@urfu.ru.

SOCIAL TECHNOLOGY OF DEVELOPING MICROLOCAL MODES OF MUNICIPAL GOVERNMENT SUBJECTS AND URBAN STAKEHOLDERS INTERACTION

O.V. Notman^{4a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The contradicting conditions of the local self-government existence in modern Russia provide for actual search for the efficient tools for the civil society involvement in the urban development management. The purpose of the article is to introduce a social technology developed and tested in the course of designing Ekaterinburg microdistricts development programs, aimed at improving interaction processes between the municipal authorities and urban stakeholders.

The given technology is based on the author's concept of "microlocal urban modes", that is, modes of interaction between district administrations and intracity territories residents (organizations and population). The novelty of the proposed social technology is in building consecutive multi-level communications

⁴RSCI AuthorID: 397903, ORCID: 0000-0002-3393-9933, ScopusID: 57200194835, ResearcherID: C-9914-2018

with consideration for the diagnostic screening of the urban microdistricts environment quality, together with a communication space arrangement for the authorities and urban stakeholders interaction, not only citywide but also at local microlevel.

Following the results of the social technology evaluation, its key principles have been formulated: 1) integration of the results of empirical diagnostics and multi-subject "coordinating" communications aimed at developing programs to improve the urban microdistricts environment quality; 2) organization of the city actors interaction in a multi-level communication space, involving direct and reverse communications between the city administration, district administrations, researchers, experts and local residents; 3) using a set of interrelated procedures providing for informed decision-making, considering objective and subjective information on the urban environment quality, and involving the post-diagnostic comparative analysis and discussion of microdistricts environmental profiles; 4) combining traditional research functions (diagnostic, analytical) with moderator, consultative, project functions, allowing for the "activist-transformative" strategy implementation for the research group participation; 5) interaction participants self-training, which contributes to the mutual awareness growth.

The conclusion is made that "cultivation" of the microlocal modes of city actors interaction regarding the local territories environment quality improvement will contribute to the intensification of processes of various public groups involvement in solving problems at the city level.

FUNDING: The article is supported by the Council on grants of the President of the Russian Federation for State Support to Leading Scientific Schools of the Russian Federation (project SS-1327.2022.2).

KEYWORDS: social technology, microlocal urban mode, urban stakeholders interaction, social participation, urban environment, urban microdistricts, district administrations, local residents.

FOR CITATION: Notman O.V. (2022). Social technology of developing microlocal modes of municipal government subjects and urban stakeholders interaction, *Management Issues*, no. 2, pp. 61–75.

REFERENCES

1. Maykova E.Yu., Simonova E.V. (2014). Civil participation of the population as a factor in the development of local self-government in Russian municipalities, *Power*, no. 1, pp. 90–94.
2. Sedova N.N. (2014). Civil activism in modern Russia: formats, factors, social base, *Sociological Journal*, no. 2, pp. 48–71.
3. Frolova E.V. (2016). The interaction of the population and local authorities: problems and new opportunities, *Sociological studies*, no. 4, pp. 59–64.
4. Vasilyeva E.I., Guselnikova O.Yu. (2018). Problems of development of local government, *Municipality: Economics and Management*, no. 4 (25), pp. 26–32.
5. Maksimov A.M., Nenasheva M.V., Vereschagin I.F., Shubina T.F., Shubina P.V. (2021). The formation of a comfortable urban environment: the problems of interaction between society and the authorities in the implementation of priority projects at the municipal level of management, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 14, no. 1, pp. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6.
6. Shugrina E.S. (2019). Public hearings and public discussions as an instrument for identifying the opinion of the population on urban development, *Urban Planning Law*, no. 4, pp. 30–34.
7. Zerechaninova T.E., Tarbeeva I.S. (2018). Social practices of participation of the city in the local self-government, *Municipality: Economics and Management*, no. 3 (24), pp. 20–26.
8. Kudryashova E.V., Maksimov A.M., Nenasheva M.V., Vereschagin I.F., Shubina T.F., Shubina P.V. (2020). Models of communicative management in the context of the formation of a comfortable urban environment (on the example of cities of the Arkhangelsk region), *Issues of state and municipal administration*, no. 4, pp. 191–213.
9. Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. (2014). Civil activism in Russia: motivation, values and forms of participation, *Power*, no. 9, pp. 11–12.
10. Petukhov V.V. (2019). Civil participation in modern Russia: the interaction of political and social practices, *Sociological research*, no. 12, pp. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
11. Zaporozhets O., Bagina Ya. (2021). Power of hopes: defending infrastructure in new urban areas, *Journal of Social Policy Research*, vol. 19, no. 2,

pp. 269–284. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-2-269-284.

12. Semenov A.V. (2019). Roots of grass: Patterns of the lower urban mobilization in Russia, *Sociological studies*, no. 12, pp. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250007746-3.

13. Popper K.R. (1992). Open society and its enemies. Moscow: Feniks, International Foundation “Cultural Initiative”. Vol. 1. 448 p.

14. Afanasyev V.G. (1981). Society: systematic, cognition, management. Moscow: Politizdat. 432 p.

15. Stefanov N. (1977). Social Sciences and Social Technology. Moscow: Progress. 250 p.

16. Markov M. (1982). Technology and the effectiveness of social management. Moscow: Progress. 267 p.

17. Scherbina V.V. (2007). Sociological and diagnostic technologies in management: theoretical and methodological aspects of development and application, *Sociological studies*, no. 3, pp. 30–42.

18. Toschenko J.T. (2011). Sociology of management. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. 300 p.

19. Dridze T.M. (ed.) (1994). Forecast social design: theoretical, methodological and methodological problems. Moscow: Science. 304 p.

20. Ivanov V.N., Patrushev V.I. (2001). Innovative social technologies of state and municipal administration. Moscow: Publishing House “Economika”. 324 p.

21. Davies J.S., Imbroscio D.L. (2009). Introduction: urban politics in the twenty-first century. In: Jonathan S. Davies, David L. Imbroscio (eds.). *Theories of Urban Politics*. Second edition. London: Sage, pp. 1–15.

22. Ledyayev V.G. (2012). Sociology of power. The theory and experience of empirical investigation in urban communities. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 472 p.

23. Notman O.V. (2021). Prospects for the implementation of the co-management model in Russian megacities: new civil activism and microlocal city regimes, *Bulletin of the University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, no. 2 (62), pp. 86–94.

24. Geddes P. (1915). Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. London: Williams & Norgate. 442 p. URL: <https://archive.org/details/citiesin-evolutio00gedduoft/page/n9/mode/2up> (accessed 15.03.2022).

25. Bagirova A.P., Notman O.V. (2021). The quality of the medium of the metropolis as an element of the quality of life of the population: assessment of territorial differentiation, *Social space*, vol. 7, no. 4. URL: http://sa.vsc.ac.ru/article/29071/full?_lang=ru (accessed 15.03.2022).

26. Dridze T.M. (1999). Social administration and social communication at the turn of the XXI century: to overcome the paradigmatic crisis in sociology. In: In the context of conflictology: the problem of communication and managerial counseling. Moscow: IS RAS. Issue 2, pp. 8–17.

27. Dridze T.M. (2000). Two new paradigms for social cognition and social practice: In: Dridze T.M. (ed.) *Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms*. In 2 vol. Moscow: Publishing house of the Institute for Sociology of RAS. Book 1, pp. 5–42.

AUTHORS' INFORMATION:

Ol'ga V. Notman – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); o.v.notman@urfu.ru.